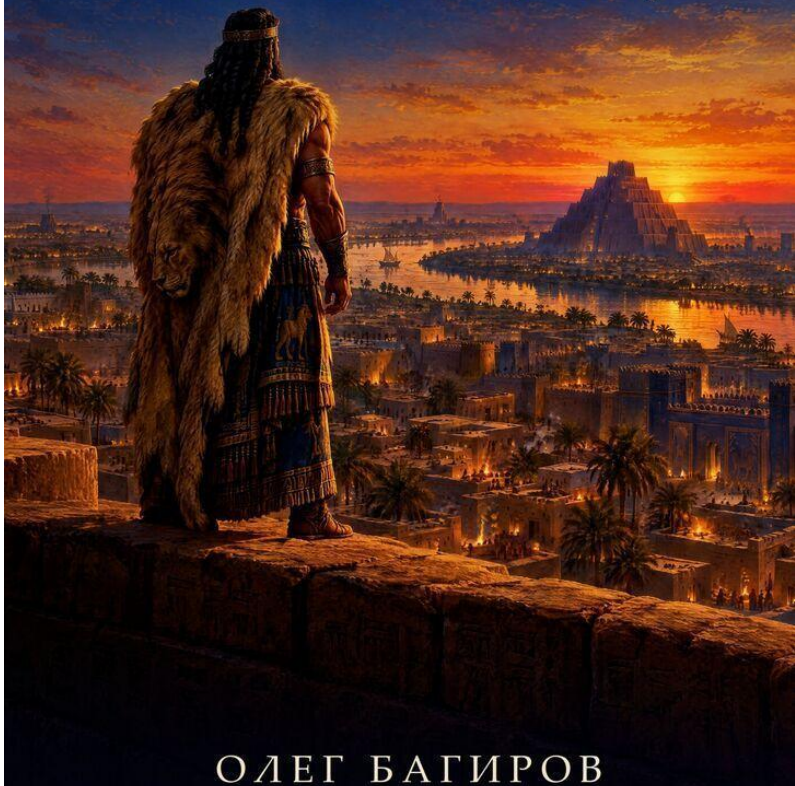

18+ ГИЛЬГАМЕШ

О всё издавшем до края мира

ОЛЕГ БАГИРОВ

Олег Багиров
Гильгамеш. О все
видавшем до края Мира

<https://litres.ru/74504542>

ISBN 9785007132077

Аннотация

Перед вами — художественное переложение величайшего памятника шумерской и вавилонской культуры, «Эпоса о Гильгамеше». В этом повествовании оживает древний Урук, где царь-полубог Гильгамеш вступает в поединок с дикарём Энкиду, обретает друга и спутника, побеждает чудовищ и богов, а затем, столкнувшись со смертью, отправляется на поиски тайны бессмертия. Это история о гордости и смирении, дружбе и утрате, о стремлении человека превзойти пределы судьбы.

Содержание

От автора	5
Пролог. Резьба вечности	6
Глава 1. Тень дворца	9
Глава 2. Бремя стены	14
Глава 3. Молитва к небу	21
Глава 4. Глина и дикость	27
Глава 5. Замысел царя	34
Глава 6. Встреча у водополя	40
Глава 7. Семь дней превращения	48
Глава 8. Дорога в Урук	55
Глава 9. Врата Свадебного Дома	62
Глава 10. Битва и клятва	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Гильгамеш О все издавшем до края Мира

Олег Багиров

© Олег Багиров, 2026

ISBN 978-5-0071-3207-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Урук, город-«овчарня богов». Его царь Гильгамеш — на две трети бог, на одну треть человек — тиранит свой народ, пока боги не создают ему равного: дикаря Энкиду из глины и степного ветра. Их поединок у Врат Свадебного Дома рождает дружбу, крепче базальта. Вместе они бросают вызов стражу Кедрового Леса Хумбабе, отвергают богиню Инанну и сражаются с Небесным Быком. Но за дерзость боги требуют плату — и Гильгамеш впервые встречается со смертью лицом к лицу. Его путь лежит сквозь горы Машу, туннель вечной ночи и Воды Смерти к единственному бессмертному среди людей.

Художественное переложение древнейшего эпоса человечества — о гордыне и смирении, дружбе и утрате и о том, что остаётся после нас.

Пролог. Резьба вечности

Песок. Не просто пыль под ногами, а сама душа Шумера¹, несущаяся на восточном ветре Шару. Он скрипит на зубках, словно перемолотые кости предков, въедается в складки грубого льна, покрывает тонкой золотисто-серой патиной циклопические стены Урука². Город, «Овчарня Богов», стоит нерушимо, как клятва, брошенная в лицо безжалостному времени. Воздух густ от запахов: дым очагов, смешанный с ароматом жареного кунжута и ячменного пива; едкая вонь нечистот из переполненных канав; сладковатый дух фиников, гниющих в тени пальм; терпкий запах овечьей шерсти и человеческого пота. Над всем этим — вечный гул жизни: крики торговцев у глинобитных лавок, скрип водоподъемных шадуфов у Евфрата³, блеяние овец, плач младенцев, мерный стук медников, выбивающих котлы, и гулкая песня каменотесов где-то у подножия зиккурата⁴ Ану⁵.

¹ Шумер — это одна из древнейших известных цивилизаций в истории человечества, существовавшая примерно с конца IV тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э. на юге Месопотамии (территория современного юга Ирака).

² Урук — один из древнейших городов в истории человечества и один из главных центров шумерской цивилизации.

³ Евфрат — одна из двух великих рек Месопотамии (вместе с Тигром), игравшая ключевую роль в становлении шумерской, аккадской, вавилонской и ассирийской цивилизаций.

⁴ Зиккурат — это монументальное храмовое сооружение в Месопотамии, ха-

На резных кирпичях Ворот Инанны⁶, под палящим ликом Уту⁷, дрожит тень старого сказителя, Ур-Шанаби-младшего. Его кожа, как высохшая глиняная табличка, испещренная клинописью морщин. Иссохший палец, ноготь желтый и крючковатый, водит по глубоким знакам, высеченным в обожженной глине столетия назад. Знаки стерты ветрами и прикосновениями тысяч рук, но их смысл, как вода Евфрата, вечен. Голос старца, похожий на шелест сухого тростника в камышах, поднимается, заставляя замолкнуть ближайших торговцев и привлекая любопытных детей:

«Ša nagba ĩmuru... О всё выдавшем до края мира...

О познавшем моря, перешедшем все горы...

О врага покорившем, постигшем премудрость, тайное ведавшем...

О Гильгамеше! Слушайте, люди Урука! Слушайте песнь о Царе, чья кровь была на две трети огнем небожителей, на одну треть — прахом земли! О его гордыне, что вознесла стены к солнцу! О его скорби, что иссушила великую реку в его груди! О его поиске жизни, которой нет конца! О его

ракетное для шумеров, аккадцев, вавилонян и ассирийцев.

⁵ Ану (в шумерском языке An, «небо») — один из важнейших богов шумерской мифологии, верховное божество пантеона и олицетворение небесного свода.

⁶ Инанна — в шумерской мифологии «Владычица небес», одна из самых могущественных и противоречивых богинь, позже отождествлённая с аккадской, вавилонской и ассирийской Иштар.

⁷ Уту — шумерский бог солнца, правосудия и истины, один из главных богов Месопотамии.

возвращении... домой.»

Старик делает паузу, его мутные глаза смотрят сквозь толпу, в далекое прошлое. Он видит не кирпичи, а юность мира, когда боги ходили среди людей, а герои бросали вызов самой Смерти. Он начинает свою песнь, и Урук замирает, чтобы услышать историю своего самого великого, самого человеческого царя.

Глава 1. Тень дворца

Дворец Гильгамеша⁸ в Уруке не просто здание — это каменное воплощение его души. Возведенный на высоком кирпичном основании, он доминировал над городом, как лев в степи и зарослях тростника. Стены его, выбеленные известью, ослепительно сияли под полуденным солнцем, отбрасывая резкие, короткие тени. Внутри царила прохлада, достигаемая толстыми стенами и искусной системой вентиляционных каналов, но воздух был тяжел — не от духоты, а от напряжения.

На троне из черного базальта, привезенного с далеких северных гор, восседал сам Гильгамеш. Ему едва минуло двадцать зим, но его облик излучал власть, которая заставляла трепетать седобородых старцев. Он был прекрасен, как утренняя звезда Инанны⁹: высокий лоб, обрамленный густыми, черными как смоль волосами, заплетенными в сложную царскую косу; прямой нос, словно высеченный резцом бога; губы, способные сложиться в чарующую улыбку или искривиться в презрительной усмешке; и глаза... Глаза — темные,

⁸ Гильгамеш — легендарный царь шумерского города Урук и главный герой Эпоса о Гильгамеше, одного из древнейших литературных произведений в мире.

⁹ Утренняя звезда Инанны — один из самых известных символов шумерской богини Инанны (аккадская Иштар), связанный с планетой Венера.

глубокие, как воды Апсу¹⁰ — светились нечеловеческим интеллектом и беспокойной, неутоленной энергией. В них читалась мудрость, не по годам, и скука, глубокая, как пропасть.

Он был сыном Нинсун¹¹, Богини Дикой Коровы, чей храм, окутанный дымом кедрового ладана, стоял в самом сердце Урука. Его мать, полубогиня-полуженщина, навещала его во снах, ее голос был шелестом ветра в камышах, ее советы — загадочны и туманны. Отцом же был Лугальбанда¹², смертный царь, воин и жрец, чей призрак иногда являлся Гильгамешу в сумерках, у подножия зиккурата, шепча наставления о долге, славе и бренности всего сущего.

Сила Гильгамеша была легендарной. Говорили, он мог один сдвинуть каменную плиту, для которой требовалось десять сильнейших рабов. Его выносливость была как у дикого онагра¹³, способного скакать сутки без отдыха. Красота его ослепляла, как лик самого Уту в зените. Но душа его была полем вечной битвы. Он ощущал свою двойственность как незаживающую рану.

¹⁰ Апсу — в шумерской мифологии первичный водный космос, символ пресных вод и источника всего живого.

¹¹ Нинсун — в шумерской мифологии богиня мудрости и материнства, мать Гильгамеша.

¹² Лугальбанда — легендарный шумерский герой и царь Урука, отец Гильгамеша.

¹³ Онагр — дикий осёл, вид млекопитающего рода *Equus*, известный в истории и культуре Ближнего Востока.

«Я не бог, — мысль жалила его, как скорпион, когда он наблюдал за ритуалами в храме. — Мне не дано их бессмертной скуки, их отстраненности. Я не могу, как Ану, вечно созерцать свои небеса. Но и я не человек!» Его взгляд скользил по толпе горожан внизу, по их загорелым, изможденным лицам, по их мелким заботам о хлебе, пиве¹⁴, детях. «Их бренность отвратительна! Их страх смерти — унизителен! Они как муравьи, копошащиеся у подножия моих стен!»

Эта тоска — чувство, что он чужой и богам, и людям, — рождала в нем ярость. Ярость требовала выхода, действия, доказательства его исключительности. Скука — мать тирании.

Сегодня его гнев был направлен на карту города, разложенную перед ним на низком столике из кедра. Карта была выцарапана на глиняной табличке, изображая концентрические кольца стен, каналы, храмы, жилые кварталы.

— Стена! — его голос, низкий и властный, прокатился по тронному залу, заставив вздрогнуть даже стражников у дверей. Он ткнул пальцем в восточный сектор города. — Эта стена — позор! Она недостаточно высока, недостаточно толста! Она — как тростинка перед натиском врага или разгневанного бога! — Он встал, его фигура в белом льняном кафтане, перехваченном золотым поясом, и пурпурной накидке, казалась еще больше. — Я хочу стену, что затмит славу

¹⁴ Шумеры (около 4000—2000 гг. до н. э.) были одними из первых народов, которые начали варить пиво на регулярной основе.

Киша¹⁵! Стену, что простоит, пока боги помнят свои имена! Стену, на которую смогут подняться сто колесниц в ряд! Восемнадцать тысяч локтей неприступного камня!

Его взгляд упал на главного надсмотрщика, стоявшего в почтительном поклоне. «Немедленно удвой число рабочих! Пусть трудятся от рассвета до заката! Я не потерплю промедления!» В его глазах горел фанатичный огонь строителя, бросающего вызов небу. Стена была не просто защитой. Это был его монумент, его вызов небу и земле, попытка победить время и собственную смертность камнем и волей.

Внизу, у подножия холма, на котором стоял дворец, начинался другой мир. Кирпичные ямы дымились, как жерла вулканов. Рабы, их спины блестели от пота и грязи, месили ногами глину с рубленой соломой, под ритмичные крики надсмотрщиков. Другие наполняли деревянные формы сырцом. Третьи, согнувшись под тяжестью еще сырых кирпичей, несли их к растущим стенам. Солнце палило немилосердно. Воздух дрожал от зноя. Кнуты свистели, оставляя кровавые полосы на спинах. Стон стоял над стройкой — негромкий, подавленный, как гул потревоженного улья.

В тени финиковых пальм, у общественного колодца, собрались старейшины. Их лица были мрачны.

— Он забирает наших сыновей, — прошептал один, старик с лицом, похожим на высохшую грушу. — Моих двух

¹⁵ Киш — один из древнейших шумерских городов-государств, расположенный на территории современного Ирака, в долине Месопотамии.

внуков увел вчера. Четырнадцать зим каждому! Им ли таскать камни под палящим солнцем?

— А наших дочерей? — добавила женщина в потертом, но чистом платье. — Мою Шубут вчера отвели во дворец. «Право первой ночи Царя», говорят. Право!

— Он играет богами, — проворчал третий, жрец низкого ранга. — Не чтит должным образом Энлиля¹⁶, пренебрегает жертвами Ану. Его гордыня — как лук, натянутый до предела. Он порвет тетиву и поранит нас всех!

Их шепот, полный страха и ненависти, смешивался с гулом города и долетал, казалось, до самых небесных чертогов. Тень дворца Гильгамеша удлинялась, накрывая Урук не только прохладой, но и гнетом его неутоленной души. Ярость полубога только начинала свой разрушительный путь. Городу нужен был спаситель, или он рисковал быть раздавленным своим собственным царем. И боги, наконец, слышали стон Урука.

¹⁶ Энлиль — один из главных богов шумерского пантеона, бог воздуха, ветра, бурь и плодородия. В шумерских мифах он занимает ключевое место в управлении миром и судьбами людей.

Глава 2. Бремя стены

Солнце Уту, достигнув зенита, било отвесно, превращая Урук в гигантскую печь. Воздух над городом колыхался, как над раскаленными углями, наполненный едкой смесью пыли, пота, дыма глинобитных печей и сладковато-гнилостным духом от открытых канав, служивших и стоком, и источником воды для самых бедных. Но самый страшный гул исходил не с рынка и не из гавани на Евфрате. Он родился у восточного сектора города, где, как незаживающая рана, зияла стройка новой стены Гильгамеша.

Здесь кипел ад.

Десятки ям для сырца дымились, как жерла подземных божеств. В них, по колено в липкой, серо-коричневой жиже из речного ила, рубленной соломы и воды, месили глину рабы и согнанные со всего Урука юноши. Их тела, обнаженные до пояса, блестели от пота и грязи, мышцы напрягались до дрожи под ритмичные, хриплые крики надсмотрщиков — рослых нубийцев¹⁷ в кожаных набедренных повязках, с бичами из воловьей кожи, свисающими с поясов.

— Эй-я-хей! Давай, тряпки! Сильнее ногами! Солома ровнее! — орал главный надсмотрщик, Шаккан, его лицо, изрытое оспинами, было багровым от злости и жары.

¹⁷ Нубийцы — коренной народ, проживающий в долине Нила на юге Египта и севере Судана, их история насчитывает более 7000 лет.

Он щелкнул бичом над головой медлительного рабочего — мальчишки лет четырнадцати, с впалой грудью и испуганными глазами. Тот вздрогнул, пытаясь ускорить движения, но его изможденные ноги едва слушались.

Рядом другие, согнувшись под невероятной тяжестью, несли на плечах и головах деревянные носилки, груженные десятками сырых, тяжелых кирпичей. Каждый шаг по раскаленной земле отзывался стоном в суставах. Пот заливал глаза, смешиваясь с пылью, образуя грязные потеки на лицах. Лица... Это были не лица, а маски отчаяния и тупой покорности. Стариков здесь не было — только юноши, чья сила выкачивалась для возвеличивания одного.

— Быстрее, черви! Царь требует стену к новому году! Не отставать от кладки! — ревел Шаккан, подгоняя очередную группу носильщиков.

Кладка. Вот где ад сгущался до предела. Уже поднявшийся на высоту двух человеческих ростов, новый участок стены пожирал кирпичи с ненасытностью дракона. Каменщики, самые опытные и сильные из рабов, стояли на шатких деревянных лесах. Их руки, покрытые мозолями и ссадинами, ловко ловили кирпичи, поданные снизу, швыряли на них густую жижу из глины и воды — «цемент» Урука — и втискивали на место, выверяя уровень грубыми деревянными рейками. Солнце выжигало их спины, отраженный от светлой глины свет слепил глаза. Падение с лесов означало перелом или смерть. Никто не считал таких.

А в тени единственной уцелевшей пальмы, недалеко от колодца, куда доступ стройщикам был ограничен, собрались женщины. Не праздные горожанки, а матери и жены тех, кто гнул спину на стене. Их лица были изборождены слезами и горем. Они принесли скудную еду — лепешки и вяленую рыбу — и кувшины с теплой, мутной водой, ожидая короткого перерыва, чтобы передать это своим сыновьям и мужьям.

— Смотри на него, — прошептала одна, с лицом, преждевременно состаренным заботами, указывая на своего сына, едва державшегося под тяжестью носилок. — Два месяца назад он играл с другими мальчишками у ворот. Теперь... Теперь он старик в теле ребенка.

— А мою Гатумдуг... — всхлипнула другая, закрывая лицо краем простого шерстяного платка. — Взяли вчера во дворец. «Право Царя», сказали. Как будто она вещь! Она вернулась на рассвете, вся в синяках, молчит, как рыба. Глаза пустые...

Третья, старая женщина с седыми, всклокоченными волосами, подняла иссохшие руки к небу. «Энлиль, Отец Богов! Ану, Царь Небес! Энки¹⁸, Мудрый Создатель! Услышьте стон Урука! Усмирите ваше дитя! Он пьет нашу кровь, как Евфрат пьет дождь!»

Их шепот, полный бессильной ярости и слез, смешивал-

¹⁸ Энки — одно из центральных божеств шумеро-аккадского пантеона, чьи функции охватывали созидание, магию, защиту человечества и управление мировой пресной водой.

ся с гулом стройки, криками надсмотрщиков, стоном рабов. Эта волна отчаяния поднималась выше пальм, выше зиккурата Ану, выше самого дворца.

Высоко на дворцовой галерее, защищенной от солнца легким тентом из крашеного льна, стоял Гильгамеш. Он наблюдал за стройкой. Его взгляд был не милостив, не сострадателен. Он был холоден и расчетлив, как взгляд архитектора, оценивающего ход работ. Он видел не изможденные тела, не слезы женщин. Он видел линию стены, ее мощь, ее рост. Каждый уложенный кирпич был шагом к его бессмертию.

Рядом с ним стоял Лугал-анна, главный зодчий, худощавый мужчина с острой бородкой и умными, усталыми глазами. Он держал в руках глиняную табличку с расчетами.

— Великий Царь, — его голос был сух и почтителен. — Темпы... достаточны. Но потери... — Он осторожно кашлянул. — За последнюю декаду десять человек не выдержали. Еще пятнадцать — серьезно ранены или больны. Силы людей... на исходе.

Гильгамеш даже не повернул головы. Его взгляд скользил по бесконечной ленте работающих муравьев. «Силы? — переспросил он, и в его голосе прозвучала легкая насмешка. — Сила нужна для великого. Стена Урука будет вечной. Их жизни — миг. Что значит миг перед вечностью, Лугал-анна?» Он указал на восток, где виднелись контуры старой, более низкой стены. «Видишь? Это — прошлое. Хлипкое, ничтожное. То, что мы строим — будущее. Будущее, которое

переживет Киш, переживет Ур, переживет самих богов. Их имена забудут. Имя Гильгамеша — высекут на камне этой стены.» В его глазах горел фанатичный блеск. Стена была не просто фортификацией. Это был его вызов, воздвигнутый в камне, брошенный в лицо самой Смерти, его попытка запечатлеть свое «я» в камне навсегда, преодолеть проклятие своей смертной трети.

Лугал-анна опустил взгляд на табличку. Он видел не вечность, а завтрашний дефицит рабочих рук и гнев старейшин. Но возражать Царю было смерти подобно. «Да, Великий Царь. Будущее. Вечность.» Он поклонился.

Внизу, у подножия галереи, стояла группа старейшин в белых шерстяных одеждах, с посохами из резного дерева — знаками их положения. Их лица были каменными масками, но глаза выдавали страх и кипящую злобу. Они пришли просить, умолять, требовать... хотя знали, что это бесполезно. Один из них, Эн-Меркар, бывший главный писец, человек огромного уважения, сделал шаг вперед. Его голос, обычно звучный и властный, теперь дрожал от сдерживаемой ярости:

— Царь Гильгамеш! Сын Нинсун! Мы, старейшины Урука, пришли к тебе с мольбой! Останови стройку! Верни наших сыновей! Отпусти наших дочерей! Город стонет! Силы людей истощены! Посевы не убраны вовремя из-за нехватки рук! Ремесленники гибнут под кирпичами! Скоро некому будет молвить молитву богам и принести жертву! Скоро

Урук падет не от вражеской руки, а от руки своего Царя!

Гильгамеш медленно повернулся к ним. Его взгляд, холодный и тяжелый, как базальтовая плита, скользнул по их лицам. В тронном зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь далеким гулом стройки.

— Старейшины, — его голос был тих, но резал, как бритва. — Вы говорите о слабости. О миге. Я строю Вечность. Ваши сыновья? Они удостоены чести прикоснуться к Вечности. Ваши дочери? Они служат Царю, в чьих жилах течет кровь богов. Их жертва — капля в море славы Урука. Что значат ваши жалобы перед величием Стены? Что значат ваши жизни перед именем Гильгамеша, которое будут помнить тысячелетия? — Он сделал шаг вперед, и старейшины невольно попятились. — Стройка продолжится. Темпы будут удвоены. Уходите. И не смейте являться ко мне с этими жалобами снова. — Он повернулся к ним спиной, вновь устремив взгляд на свою стену, на свое бессмертие, вылепленное из глины и человеческих страданий.

Старейшины отступили, как побежденные. В их глазах горели слезы унижения и бессилия. Эн-Меркар поднял посох, не в знак угрозы, а как символ сломанной воли. Его шепот был едва слышен: «Тогда молитесь, братья. Молитесь богам. Ибо только они могут усмирить этого... этого полубога-полудемона.»

Их молитва, беззвучная, отчаянная, присоединилась к стонам стройки и плачу женщин, устремившись ввысь, к ла-

зурному куполу небес, где пировали бессмертные.

Глава 3. Молитва к небу

Выше солнца, выше самых высоких облаков, там, где воздух кристально чист и холоден, а время течет иначе, находились чертоги Ану, Царя Небес. Здесь не было стен в человеческом понимании. Пространство было соткано из света, тумана и чистого лазурита. Пол — мерцающая поверхность, отражающая звезды даже днем. Огромные колонны, подобные замерзшим вихрям, уходили в бесконечную высь. В центре этого сияющего не-места стоял трон Ану — не предмет, а сгусток власти и древности, не поддающийся описанию.

Сейчас здесь собрались великие боги Шумера. Они восседали или парили в воздухе на своих сияющих сущностях-престолах. Энлиль, бог ветра, земли и судьбы, грозный и властный, его лик был скрыт сияющей дымкой, но гнев исходил от него волнами, искажая пространство. Энки, бог мудрости, пресных вод и ремесел, выглядел как старый, но невероятно живой мудрец; его глаза, цвета глубинных океанов, светились умом и легкой иронией, а вокруг его трона журчали невидимые ручьи. Инанна, богиня любви, войны и плодородия, сияла ослепительной красотой, одетая в одеяние из звезд и пламени; ее взгляд был капризным и опасным. Рядом — суровый воин Нинурта¹⁹, мрачный бог подземного

¹⁹ Нинурта — один из главных богов шумерской и аккадской мифологии. Его имя встречается уже в самых ранних шумерских текстах (III тыс. до н. э.).

мира Нергал²⁰, и многие другие. Аруру²¹, богиня-создательница, мать всех живых, сидела чуть в стороне. Ее облик был текучим: то юной девушкой с руками в глине, то древней старухой с глазами, видевшими рождение мира. Сейчас она смотрела вниз, на землю, и в ее глазах была глубокая печаль.

Поводом для срочного собрания был не военный поход и не угроза мирозданию. Это был стон. Гул отчаяния, поднявшийся из Урука, достиг небесных чертогов. Он вибрировал в самом воздухе, неприятный, назойливый, полный боли и проклятий. Боги чувствовали его всеми своими сущностями.

— Он твоё порождение, Ану! — громовой голос Энлиля разрезал сияющую тишину. Его гнев был осязаем, как удар грома. Пространство вокруг его трона потемнело, закрутилось свинцовыми тучами. — Гильгамеш! Этот полукровка! Он слишком силен для червей, что ползают в грязи! Он слишком своенравен и горд для нас, небожителей! Его ярость — как факел в стоге сена! Он сжигает Урук! Он презирает наши храмы! Он попирает священные законы! Его гордыня достигла небес и опалает наши стопы!

Инанна фыркнула, поправляя звезду в своих волосах. «Он силен, да. И прекрасен... как утренняя звезда. Но дерзок.

²⁰ Нергал — один из самых мрачных и грозных богов шумеро-аккадского пантеона.

²¹ Аруру — великая богиня шумеро-аккадского пантеона, связанная с сотворением жизни и судьбы.

Очень дерзок. Отказался бы от меня? Ха!» — в ее голосе прозвучала обида, приправленная любопытством.

— Сила — ничто без мудрости, — произнес Энки, его голос был спокоен, как глубинное течение. — А мудрость приходит с пониманием пределов. Гильгамеш не знает пределов. Он раздираем своей природой. Он не бог, но презирает смертных. Он смертен, но бросает вызов вечности стеной из глины. — Он покачал головой. — Это... трагично.

— Трагично? — взорвался Энлиль. — Это опасно! Его стена — пощечина небесам! Его тирания — оскорбление порядку, который я установил на земле! Он сеет хаос! Он отвлекает людей от служения нам своими бессмысленными стройками! Кто будет возделывать поля, приносить жертвы? Кто будет молиться, если все будут замучены до смерти или дрожать от страха за своих дочерей?

Ану, восседавший на своем неописуемом троне, до сих пор молчал. Его присутствие было как само небо — безбрежное, спокойное, непостижимое. Его взгляд был обращен в бесконечность. Но стон Урука достиг и его. Наконец, заговорил он. Голос Ану был тихим, но он заполнил все пространство.

— Жалобы достигли нас. Стон земли пронзил небеса. Гильгамеш... сын Нинсун, внук мой по крови... его сердце бурлит, как первозданный океан. — Он обратился к Аруру. — Ты, Аруру, создавшая человечество из глины Апсу. Ты, вдохнувшая в него жизнь. Ты создала Гильгамеша особен-

ным. Слишком особенным. Его сила ищет равного противовеса. Его ярость требует зеркала.

Аруру подняла голову. В ее глазах, глубоких, как колодцы прошлого, мелькали образы: глина в ее руках, первый человек, первые страдания. «Что ты предлагаешь, Отец Богов?» — ее голос был мелодией текущей воды и шелестом листьев.

— Сотвори ему Равного, — сказал Ану. — Сотвори существо, чья сила сравнима с его силой. Чья ярость отразит его ярость. Чья дикость уравновесит его цивилизованную жестокость. Пусть их сердца сразятся, как два буйвола в сезон гона на водопое. Пусть их битва даст Уруку передышку. Пусть Гильгамеш узнает себя в другом и, может быть... обретет то, чего ему не хватает.

Энлиль заворчал, но одобрительно. «Да! Пусть дикость сокрушит его гордыню!»

Энки склонил голову. «Равный... Да, это мудро. Только равный может стать зеркалом. А потом... может быть, и другом. Или погибелью.»

Инанна засмеялась. «О, это будет зрелище! Два титана! Я должна увидеть это!»

Аруру встала. Ее форма сгустилась, стала четче — женщина в простом одеянии цвета земли, с руками, готовыми к лепке. На ее лице была печать решимости и материнской грусти. «Да будет так. Я возьму глину Апсу, чистейшую, первозданную. Я вдохну в нее силу дикой степи, ярость неукротенного зверя, простоту незамутненного разума. Я создам

ему Равного. Пусть придет Энкиду. Пусть придет Дикий Человек.»

Она простерла руки. В пространстве перед ней появился вихрь чистой, темно-синей воды и кусок влажной, темно-коричневой глины, пахнувшей глубинами земли и древностью. Пальцы Аруру начали работать — не лепить, а направлять, формировать сущность. Сила степи — дух дикого быка-кунга и стремительной газели. Ярость — от льва пустыни и разъяренного кабана. Простота и связь с землей — от корней деревьев и камня. Защитник слабых — от материнской лани.

Боги наблюдали. Энлиль — с мрачным удовлетворением. Энки — с научным интересом. Инанна — с предвкушением зрелища. Ану — с безмятежностью вечности.

— Он будет сильным, — прошептала Аруру, вкладывая в глиняную форму искру жизни. — Сильным, как сама земля. И диким... как буря, что еще не знает своего пути. Иди, Энкиду. Иди в степь. Иди... навстречу своей судьбе и судьбе Урука.

На далекой земле, у водополя в бескрайней степи, далеко от стен Урука и страданий его людей, комок глины под лучами Уту обрел форму. Грубая, могучая, покрытая шерстью форма. Глаза открылись — темные, янтарные, полные первозданного удивления перед миром. Энкиду вдохнул воздух степи и издал свой первый звук — рев, похожий на рык льва и мычание быка одновременно. Судьба пришла в движение. Зеркало для ярости полубога было создано. Теперь им пред-

стояло найти друг друга.

Глава 4. Глина и дикость

Вода. Она была центром мира Энкиду. Не широкая, величавая лента Евфрата, а скромный степной водопой — чаша, выбитая копытами диких ослов в глинистой почве, наполняемая редкими дождями и подземными ключами. Сегодня под палящим полуденным солнцем она казалась расплавленным серебром, окруженным ореолом выжженной травы и редких тамарисков, чьи игольчатые листья давали жалкие островки тени.

Энкиду лежал на животе у самой кромки, погрузив морду в живительную прохладу. Его питье было ритуалом: долгие, шумные глотки, перемежающиеся фырканием, когда мутная вода попадала в ноздри. Рядом, осторожно, словно танцуя на невидимых нитях, подошли газели. Их огромные, влажные глаза блестели не страхом, а доверием. Они знали его запах — запах земли, шерсти и безопасности. Он был их скалой в этом бескрайнем море травы.

Его тело, закаленное степью, было картой выживания. Шерсть цвета выгоревшей меди, свалаявшаяся в плотный войлок на спине и боках, защищала от колючек и ночного холода. На мощных предплечьях и груди она была реже, обнажая кожу, покрытую сетью белых шрамов — следы стычек с барсом, схватки со стаей гиен, падения со скалы в юности. Мускулы под кожей играли при каждом движении — плав-

ном, экономичном, исполненном скрытой мощи зверя, знающего цену энергии.

Он поднял голову, вода стекала с его бороды и усов. Его ноздри, широкие и влажные, задвигались, втягивая знакомую симфонию степи: пыльный, горьковатый аромат полыни; сладковато-приторный дух цветущего молочая; едкие, аммиачные нотки козлиного помета; тонкий, почти неуловимый запах гнездящихся в скалах пустельг. Но сегодня в этот знакомый хор вплеталась фальшивая нота. Запах Человека. Не свежий и близкий, а старый, въевшийся. Запах пота, кожи, обработанной звериным жиром, и чего-то чуждого, металлического и острого — железа.

Рычание, низкое и предупреждающее, как отдаленный гром, зародилось в его груди. Он поднялся, отряхиваясь, как медведь, брызги воды сверкали на солнце. Его янтарные глаза, обычно спокойные, как осенние лужи, сузились, став похожими на щели в скале. Он знал этот запах. Он ненавидел то, что он приносил.

Он двинулся вдоль тропы, протоптанной копытами к водопою. Его шаги, несмотря на размеры, были бесшумны — годами выработанный навык охоты (хотя он редко убивал) и скрытного наблюдения. Он не шел по тропе, а ступал рядом, сливаясь с выгоревшей травой и кустарником, его глаза выискивали аномалии. И нашел. У самого края тропы, у корней старого тамариска, неестественно лежал пучок сухой травы. Слишком аккуратно. Слишком... заманчиво.

Энкиду опустился на корточки. Его пальцы с неожиданной для их размера ловкостью раздвинули траву. И там. Силок. Тонкий, крепко сплетенный ремень из бычьей жилы, замаскированный под корни, привязанный к гибкому молодому побегу тамариска. Ловушка для ноги газели. Для боли. Для медленной смерти.

Ярость, чистая и простая, как удар молнии, пронзила его. Он схватил ремень обеими руками. Его плечи, спина, бицепсы вздулись, превратившись в переплетение канатов под шкурой. Раздалось резкое, напряженное чванк — тамариск согнулся в дугу, но ремень, обработанный для прочности, выдержал. Энкиду уперся широкой, мозолистой ступней в основание дерева, перенес вес, вложил в рывок всю мощь своих бедер и спины. Раздался сухой, злобный хлоп! Дерево с треском выпрямилось, а ремень лопнул, как гнилая нитка.

Он швырнул обрывки в сторону, фыркнув с удовлетворением. Но его нос, этот невероятный инструмент, уловил нечто еще. Свежий след. Сам охотник. Где-то рядом. И не один.

В пятистах шагах от водопоя, за грядой каменистых холмов, притаились двое. Бази, сын Дунну, опытный охотник лет тридцати с лицом, обветренным степными бурями, и его племянник, юный Урту, впервые вышедший на промысел. Они лежали на животе, втиснувшись в узкую расселину между валунами. Бази прижал палец к губам, его глаза были широки от страха.

— Видишь? — прошептал он, едва шевеля губами. — Видишь его? Дух степи. Демон. Он порвал силок... как паутину.

Уртур, щедущий подросток с восторженными глазами, смотрел, затаив дыхание. «Он... огромный, дядя! Как бык, но ходит на двух ногах! И газели... они его не боятся!»

— Молчи, щенок! — прошипел Бази. — Он чует страх за версту. Говорят, он может слышать биение сердца мыши под землей. Он разорвет нас, как зайцев, если...

Он не договорил. Энкиду поднял голову. Его нос тревожно задвигался. Он медленно повернулся и устремил свой взгляд — желтый, нечеловеческий, лишенный всякой теплоты — прямо в их укрытие. Он знал.

— Энки! Спаси нас! — вырвалось у Бази. Он схватил свой лук — добротный, из акации, тетива туго натянута. Дрожащими руками наложил стрелу с кремневым наконечником, заточенным до бритвенной остроты. Сердце колотилось, как барабан на празднике Инанны. Не подходи... Мать Нинхурсаг²², заступись...

Но Энкиду уже шел. Не бежал. Шел с той неспешной, неотвратимой решимостью, с какой движется сама судьба. Его тяжелые ступни дробили щебень. Каждый шаг отдавался в груди охотников глухим ударом.

Уртур не выдержал. Когда тень великана легла на их укры-

²² Нинхурсаг — одна из важнейших богинь шумерского пантеона. Её имя иногда переводят как «Госпожа гор» или «Матерь-горы».

тие, он вскочил с пронзительным визгом, похожим на крик раненого зайца, и бросился бежать наутек, не разбирая пути.

— Дурак! — закричал Бази, но было поздно. Его нервы, натянутые до предела, лопнули. Он вскочил, не целясь, натянул тетиву и выстрелил. Стрела пролетела в двух шагах от плеча Энкиду и с глухим стуком вонзилась в тamarиск.

Энкиду даже не вздрогнул. Он лишь ускорил шаг, его глаза загорелись холодным янтарным огнем. Бази отступил, споткнулся о камень и рухнул навзничь. Он уставился вверх, на нависшую над ним фигуру, заслоняющую солнце. Он видел грудь, шире, чем у быка, покрытую свалевшейся шерстью, прорезанную старыми шрамами; руки, чьи бицепсы были толщиной с его бедро, с кулаками, похожими на каменные молоты; оскал, обнажающий крепкие, желтоватые зубы, не тупые, как у травоядного, но и не клыкастые, как у хищника — зубы всеядного существа. Запах ударил в нос — смесь теплой шерсти, пота, степных трав и чего-то дикого, нечеловеческого.

— Дух... Демон... — захрипел Бази, прикрывая лицо руками. — Пощади! Я уйду! Больше не приду! Клянусь Энки!

Он ждал удара. Раздавливающего. Разрывающего. Смертельного.

Но удар не пришел. Энкиду остановился над ним. Его горячее дыхание обожгло лицо охотника. Он наклонился, его огромная ладонь с мозолистыми пальцами протянулась... и схватила лук Бази, валявшийся рядом. Он поднял его,

осмотрел с каким-то странным, почти детским любопытством, повертел в руках. Потом упер один конец в землю, наступил на середину дуги ногой, а руками надавил на верхний конец. Акация, крепкая, как сталь для человека, затрещала и с громким «Крак!» сломалась пополам. Энкиду швырнул обломки в сторону.

Затем он взял колчан со стрелами. Не глядя, он сжал его в своей огромной ладони. Раздался сухой хруст ломающихся древков. Он разжал руку — щепки и кремневые наконечники посыпались на землю. Он растоптал их грубой подошвой.

Потом он посмотрел на Бази. В его янтарных глазах не было жажды убийства. Не было и милосердия. Было презрение. Глубокое, бездонное презрение к слабости, к трусости, к этому существу, приносящему боль в его мир. И предупреждение. Глубокий, гортанный рык, зародившийся где-то в глубине его мощной груди, вырвался наружу. Он не требовал перевода: Уходи. Исчезни. Больше не оскверняй степь.

Бази не заставил себя ждать. Он вскочил, не чувствуя боли от ушиба, и побежал, не оглядываясь, подгоняемый первобытным страхом. Он бежал не к своей деревушке из сырцового кирпича. Он бежал в Урук. Только там, к Царю-Полубогу, он мог принести весть о Духе Степи. Там ему дадут воинов, копыя, бронзовые топоры! Там его поймут!

Энкиду смотрел ему всему. Когда фигурка охотника скрылась за горизонтом, он фыркнул, как раздраженный онагр, и повернулся обратно к водопою. Газели, на мгно-

вание отпрянувшие, снова осторожно приближались к воде. Кризис миновал. Равновесие степи восстановилось. Но в воздухе висело предчувствие. Запах Человека, страх, гнев — они были семенами, брошенными в почву судьбы. Энкиду, дитя глины и свободы, еще не знал, что его действия по защите своего мира уже привели в движение неотвратимый маховик. Маховик, который притянет его к каменным стенам Урука. К Гильгамешу.

Глава 5. Замысел царя

Тронный зал дворца Гильгамеша дышал прохладой и властью. Широкие окна-бойницы пропускали косые лучи полуденного солнца, выхватывая из полумрака рельефы на стенах: Гильгамеш, поражающий льва; Гильгамеш, принимающий дары от покоренных царей; Гильгамеш, вззирающий на план Урука с высоты, подобно богу. Воздух был пропитан запахом кедрового масла, которым натирали деревянные панели, и тонким ароматом тлеющего в курильницах миррового ладана. Гул города сюда не долетал. Здесь царила тишина, нарушаемая лишь шелестом одежды далекого стражника.

На троне из черного базальта, инкрустированного золотыми прожилками, восседал Гильгамеш. Он не был облачен в парадный пурпур. На нем был простой льняной кафтан безупречной белизны, подпоясанный плетеным кожаным поясом с золотой пряжкой в виде львиной головы. В руках он держал глиняную табличку — отчет о поставке кедра из финикийских земель, но его взгляд блуждал где-то за стенами дворца. Скука, его вечная спутница, снова накатывала волной, несмотря на грандиозность стройки стены.

Внезапно тишину нарушили шаги. В зал, почти волоча за собой дрожащего Бази, вошел Шаккан, главный надсмотрщик. Лицо Шаккана, вечно красное от ярости и солнца, сейчас было еще багровее. Он грубо толкнул охотника вперед.

— Великий Царь! Приволок этого... степного зайца! Треплет нервы байками о каком-то шерстяном демоне!

Бази рухнул ниц, прижав лоб к прохладному каменному полу. Его одежда была в пыли, лицо исцарапано колючками, в глазах застыл животный страх. «Ц-Царь! Сын Нинсун! Повелитель Урука! Я... я видел его! Духа Степи! Он... он настоящий!»

Гильгамеш медленно опустил табличку. Его взгляд, тяжелый и изучающий, упал на трясущуюся фигуру. Скука мгновенно испарилась, уступив место острому, хищному интересу. «Встань. Говори. Что видел?» — его голос был тих, но резал воздух, как бритва.

Бази поднялся на колени. Слова вырывались путаным потоком, сбивчиво, срываясь на крик. Он описывал водопой, разорванные силки, разрытые ямы. Детализировал Энкиду — его рост, превосходящий самого высокого нубийца в страже Царя; его шерсть, густую, как у медведя; его силу, с которой он ломал лук, как тростинку; его глаза — «янтарные, как у льва, но без злобы... с презрением, Царь!» Он описал свое унижение, надеясь разжечь гнев Повелителя.

— ...и он сломал мои стрелы! Все! Как сухие ветки! Посмотрел на меня... как на грязь под копытом онагра! И приказал уйти! Он — как демон из древних сказаний, Царь! Демон, насылающий порчу на охотничьи уголья! Никто не смеет теперь приблизиться к тому водопою!

Гильгамеш слушал, не прерывая. Но Бази видел, как в гла-

зах Царя, обычно холодных и отстраненных, загорелись искры. Не гнева. Азарта. Любопытства охотника, учуявшего достойную дичь. Как у мальчишки, нашедшего невиданного зверя.

— С презрением? — переспросил Гильгамеш, уголок его рта дрогнул в подобии усмешки.

— Да, Царь! Он... он как движущаяся гора! Его руки — как стволы могучего дерева!

— И он защищает зверей? Живет с ними? — в голосе Гильгамеша звучало недоверие, смешанное с интригой.

— Да, Царь! Газели щиплют траву у его ног! Они его не боятся! Он их... пастырь!

Гильгамеш поднялся с трона. Его движения были плавными, исполненными скрытой силы. Он подошел к высокому окну, выходявшему на восток, за пределы города, в сторону бескрайней степи. Его взгляд устремился вдаль. «Дикий Человек... — пробормотал он. — Творение Аруру? Или порождение пустынных удугов²³?» Он обернулся к Лугал-анне, стоявшему в почтительной позе у стены с привычной табличкой.

— Ты слышал о таком?

Лугал-анна потер заостренную бородку. «Ходили слухи, Великий Царь. От погонщиков караванов, идущих в Элам. О существе, живущем с газелями, ломающем ловушки. Но

²³ Удугу — шумерский и аккадский демонический дух, часто называемый «злой дух» или «демон болезней»

всегда как о мифе, духе местности. Не как о плоти и крови.»

— Плоть и кровь, — усмехнулся Гильгамеш. — И очень крепкая плоть, судя по всему. — Его ум, острый и стратегический, уже работал. Новый вызов. Не управление безликой толпой рабов. Не поединок с заурядным чемпионом Киша. А противостояние чему-то первозданному, дикому, возможно, равному ему по силе? Мысль будоражила кровь, гнала прочь скуку. Это был вызов его природе, его исключительности.

Шаккан топнул ногой, его бич нервно дернулся. «Дай мне два десятка воинов, Царь! С копьями, сетями из бычьих жил! Мы загоним этого зверя в клетку! Он попляшет под моим бичом на стройке стены! Пусть таскает камни, если такой сильный!»

Гильгамеш взглянул на него с таким презрением, что Шаккан невольно попятился. «Ты? С сетями? Против того, кто рвет силки голыми руками? Он порвет твои сети, как паутину, а твоих воинов разбросает, как щенков.» Он сделал шаг вперед, его фигура казалась еще больше. «Нет. Дубиной и грубой силой его не взять. Или цена будет слишком высока. Нужна иная ловушка. Ловушка для дикаря... но не из веревок и ям.»

Он повернулся к ним, и в его глазах зажегся холодный огонь стратега. «Он дикарь. Он живет со зверями. Значит, его инстинкты — звериные. Его слабость — не в мускулах, а здесь, — Гильгамеш легонько постучал пальцем по своему виску, — и здесь.» Он провел рукой по низу живота. Он знал

силу желания. Он сам был его пленником и повелителем.

— Шаккан, — приказал он, голос стал резким и властным. — Приведи ко мне Шамхат. Лучшую из храма Инанны. Ту, чья красота заставляет забыть имя, чьи прикосновения — это магия, а мудрость глубже колодца Нанна²⁴. Ту, что знает путь не только к телу, но и к душе мужчины.

Шаккан остолбенел. «Шамхат? Блудницу? Но... зачем, Царь?»

— Для приманки, тупица! — раздраженно бросил Гильгамеш. — Этот зверь никогда не видел женщины. Его инстинкты спят, как змея в холода. Шамхат разбудит их. Она покажет ему, что такое пламя плоти. Она заставит его забыть о газелях. Она... приручит его. Соблазнит не только телом, но и обещанием другого мира. Мира людей. Мира... Урука. — Его глаза сузились до щелочек. — И когда он придет сюда, одурманенный ее ласками и речами... тогда я встречу его. Лицом к лицу. Тогда я узнаю, достоин ли он быть моим противником.

Лугал-анна кивнул, его глаза блеснули пониманием. «Хитроумно, Великий Царь. Заманить дикаря не силой, а слабостью. Женской слабостью.»

— Его слабостью, — поправил Гильгамеш. — Слабостью всего мужского рода. — Он подошел к Бази, все еще стоявшему на коленях. — Ты, охотник. Ты знаешь место. Ты про-

²⁴ Нанна — шумерское имя бога Луны, символизирует мудрость и прозорливость, поскольку луна освещает ночь и помогает отслеживать время.

водишь Шамхат к этому водопою. Ты покажешь ей дикаря. А потом... исчезнешь. Как будто тебя и не было. Понял?

Бази закивал так усердно, что казалось, голова вот-вот оторвется. «Да, Царь! Как скажешь! Я знаю тропы! Проведу!»

— Хорошо. Ступай. Омойся. Наешься. Тебе понадобятся силы. — Гильгамеш махнул рукой, отпуская его. Когда охотник, пятясь и кланяясь, скрылся за дверью, Царь снова подошел к окну. Его лицо было сосредоточено, лишено прежней апатии. — Дикий Человек... — прошептал он в пустоту зала. — Ты создан, чтобы усмирить мою ярость? Или чтобы дать ей достойный выход? Приходи. Я жду тебя. Покажи, на что ты способен.

В его голосе звучало не только ожидание битвы, но и странная, неосознанная тоска. Тоска по чему-то, что могло бы разбить зеркало его одиночества. По равному.

Тем временем, в прохладном мраке святилища Инанны, Шамхат, чье имя означало «Блистательная», погружала руки в чашу с розовой водой, смешанной с лепестками лотоса и миррой. Она готовилась к необычному повелению Царя. Ее путь в степь, навстречу Энкиду, начинался. Две судьбы, вылепленные друг для друга из глины и божественной воли, неумолимо сближались.

Глава 6. Встреча у водополя

Степь встретила Шамхат стеной зноя. Солнце Уту висело в безжалостно синем небе, выжигая краски до блеклых охр и выбеленного ультрамарина далеких гор. Воздух дрожал над раскаленной землей, наполненный стрекотом цикад, похожим на шипение раскаленного металла, и сухим, пыльным ароматом полыни, смешанным с терпким запахом иссохшего козьего помета. Шамхат шла, ощущая каждый камень, каждую колючку сквозь тонкие сандалии из воловьей кожи. Пыль оседала на ее тщательно умащенных кунжутным маслом и миррой ногах, смешиваясь с потом, образуя липкую пасту на лодыжках.

Она была оружием. Изошренным, смертоносным в своей мягкости. Кадшту²⁵ храма Инанны, «Блистательная» — не просто имя, а статус. Ее одеяние — не грубая шерсть горожанки, а тонкий, почти прозрачный лен цвета спелого граната, подпоясанный плетеным кушаком с подвесками из полированного сердолика и лазурита, которые тихо позванивали при каждом шаге. Волосы, черные как крыло ворона, были убраны в сложную прическу, перехваченную золотыми шпильками в виде цветков лотоса. Лицо, с высокими скулами и миндалевидными глазами, подведенными сурьмой, бы-

²⁵ Кадшту — храмовая жрица Инанны.

ло безупречно — ни капли пота не нарушало матовость кожи, покрытой тонким слоем свинцовых белил и охры. Она несла в себе не просто красоту, а цивилизацию — сложную, искусственную, манящую и опасную, как змея в цветущем кусте.

Рядом, съжившись от страха и стыда, брел Бази. Он крался, как загнанный шакал, бросая испуганные взгляды по сторонам, его грязный охотничий плащ сливался с выгоревшим пейзажем. «Вон там, госпожа... — прошептал он, указывая дрожащим пальцем за грядущие холмы. — За этим гребнем... водопой. Он... он обычно там к полудню.» Его голос срывался. Мысль о возвращении туда, к тому... чему-то, сводила желудок в узел. «Ты... ты уверена? Он может...»

— Молчи, — отрезала Шамхат, не глядя на него. Ее голос был спокоен, как поверхность глубокого колодца, но в нем звучала неоспоримая власть. — Ты привел меня. Твоя часть сделана. Теперь исчезни. Как учил Царь. Словно тебя и не было. — Она не добавила «как трусливого зайца», но это висело в воздухе. Бази кивнул, не в силах вымолвить ни слова, и юркнул в сторону, скрываясь за камнями, с облегчением и новым стыдом.

Шамхат остановилась у подножия холма, заросшего колючим кустарником. Она сделала глубокий вдох. Воздух был сухим и обжигающим. Она почувствовала не страх, а сосредоточенность охотницы, выходящей на зверя. Но зверь этот был невиданным. Она мысленно повторила наказ Царя:

«Разбуди в нем мужчину. Покажи ему силу женщины. Приведи его ко мне.» Приказы Гильгамеша не обсуждались. Они исполнялись. Она поднялась на гребень холма.

Внизу, в небольшой котловине, лежал водопой. Небольшое, мутноватое зеркало воды, окруженное потрескавшейся глиной и чахлой зеленью осоки. И у воды, на корточках, спиной к ней, было Оно. Существо.

Первое, что поразило Шамхат — размер. Даже сидя на корточках, оно казалось огромным. Широкие, бугристые плечи, покрытые густой, свалывшейся шерстью цвета ржавчины и пыли. Мощная спина, рельеф мышц которой проступал даже сквозь шерсть, как скалы под тонким слоем почвы. Большая, лобастая голова, покрытая такой же шерстью, ниспадающей на шею. Он пил, опустив морду в воду, чавкая и фыркая, как зверь. Рядом, на удивление близко, щипали чахлую траву две газели. Они подняли головы, уловив новый запах, насторожили уши, но не убежали. Их доверие к этому существу было осязаемым.

Энкиду. Имя, данное Аруру, пронеслось в ее мыслях. Глина и Дикость. Она оценила его. Сила была очевидна — в ширине кости, в мощи торса. Но была и некая... незавершенность. Грубость форм. Первобытность. Он был холстом, на котором еще не писали. Или глыбой мрамора, ждущей резца.

Шамхат не стала прятаться. Она медленно, плавно, без резких движений, начала спускаться по склону к водопою.

Ее сердоликовые подвески зазвенели тихой, мелодичной трелью, нарушая степную тишину. Звук был чуждым. Энкиду замер. Его спина напряглась, как тетива лука. Он медленно, очень медленно повернул голову.

Шамхат остановилась в десяти шагах от него. Она видела его лицо. Широкое, скуластое, покрытое более короткой, но все же заметной шерстью на щеках и подбородке. Большой прямой нос. Губы — полные, но сжатые в настороженную линию. И глаза... Огромные, широко расставленные глаза цвета темного янтаря. В них не было злобы, которую описывал Бази. Было... изумление. Глубокое, первобытное изумление. Как у ребенка, впервые увидевшего звезды. В них отражалась она — яркое, неземное пятно цвета граната и золота на фоне выжженной степи.

Он встал. Медленно, как поднимается гора. Его рост был подавляющим. На голову выше самого высокого воина из стражи Гильгамеша. Ширина плеч — вдвое больше мужских. Он стоял, слегка расставив ноги, его огромные ладони с толстыми, грязными пальцами были расслаблены, но готовы сжаться в кулаки-молоты. Он смотрел на нее. Дышал глубоко, грудью, как кузнечный мех. Воздух наполнился новым, сложным коктейлем: его запах — теплая шерсть, сухая трава, солоноватый пот, дикая земля — смешивался с ее ароматами — мирра, корица, кунжут, тонкая пыль дороги, женская плоть.

Шамхат не опустила взгляд. Она смотрела ему прямо в

глаза. Ее взгляд был спокоен, открыт, лишен страха или вызова. Он был... принимающим. Как взгляд жрицы перед статуей бога. Она видела, как изумление в его янтарных глазах начало смешиваться с чем-то другим. С любопытством? С тревогой? С... влечением? Инстинкт уже шевелился в его дикой крови.

Он сделал шаг вперед. Не угрожающе. Осторожно. Как дикий конь, приближающийся к незнакомому предмету. Еще шаг. Запах его, мощный, животный, ударил ей в нос. Запах не мытого тела, жизни под открытым небом, невинности, не знающей стыда. Она не отступила.

Он остановился в шаге от нее. Его дыхание обожгло ее лицо — горячее, влажное, пахнувшее травой и водой. Он был так близко, что она видела каждую всклокоченную прядь на его груди, каждую царапину на его мощной шее, золотистые крапинки в его темно-янтарных глазах. Он смотрел на ее одежду, на золотые шпильки в ее волосах, на сердоликовые подвески, лежащие на ее груди. Его рука, огромная, с широкой ладонью и короткими, толстыми пальцами, покрытыми грязью и мозолями, медленно поднялась. Он колебался, как во сне. Потом кончиком пальца, с удивительной для такой лапы осторожностью, коснулся рукава ее гранатового хитона. Материал был тонким, скользким, чуждым. Он отдернул палец, словно обжегшись. Потом снова протянул, коснулся уже ее обнаженного предплечья. Кожа. Теплая, гладкая, нежная, как лепесток лотоса. Совсем не как его соб-

ственная, грубая и покрытая шерстью. Он издал глухой звук, не то фыркание, не то стон удивления.

Шамхат не отстранилась. Она подняла свою руку — изящную, с тонкими запястьями, умащенную благовониями, с ногтями, подкрашенными хной. Она медленно, давая ему время осознать каждый момент, положила свою ладонь ему на грудь. Под грубой шерстью и кожей она ощутила мощное, ритмичное биение сердца. Быстрое, как у загнанного зверя. Но не от страха. От возбуждения. От пробуждения.

Ее прикосновение было как электрический разряд. Он вздрогнул всем телом, его глаза расширились до предела. Он замер, словно парализованный. Шамхат почувствовала, как под ее ладонью напряглись его мышцы, как дрогнуло его дыхание. Она не убирала руку. Она смотрела ему в глаза, и в ее взгляде было не потакание, а... приглашение. Вызов к иному способу бытия.

Потом он сделал то, чего она не ожидала. Он наклонил свою большую, косматую голову и... втянул носом воздух у ее шеи. Глубоко, с шумом, как зверь, чующий добычу. Он уловил запах ее кожи, волос, благовоний — сложный, опьяняющий, непостижимый для его прежнего мира запах женщины. Он издал долгий, низкий гул — звук чистейшего, первозданного изумления и пробуждающегося вожделения. Его глаза затуманились. Жестокая, дикая ярость защитника зверей, описанная Бази, растаяла, как снег под солнцем. Осталась лишь жажда. Жажда познать этот новый, невероятный

источник ощущений перед ним.

Шамхат улыбнулась. Легкой, едва заметной улыбкой жрицы, видящей, как посвящаемый делает первый шаг на пути. Она не сказала ни слова. Слова были пока бессмысленны для него. Язык тела, прикосновений, запахов — вот что говорило сейчас. Она медленно сняла руку с его груди и подняла ее к своему плечу. Ее пальцы нашли застежку кушака. Легкий щелчок. Плетеный пояс с сердоликовыми подвесками упал на пыльную землю. Потом ее руки скользнули к пряжке на плече. Еще одно движение. Тонкий гранатовый хитон соскользнул с ее плеч мягкой волной, как опадающий лепесток, и упал к ее ногам, открывая тело во всей его смуглой, умащенной маслом, совершенной человеческой наготы.

Она стояла перед ним, как Инанна, сошедшая с небес. Солнце играло на ее коже, подчеркивая округлость груди, изгибы бедер, гладкость живота. Она была воплощением всего, чего он не знал, не понимал, но что его манило с непреодолимой силой. Цивилизация, чувственность, тайна — все это сияло перед ним в одном образе.

Энкиду замер. Его дыхание остановилось. Его янтарные глаза, огромные, как блюда, впитывали ее образ, казалось, пытаясь запечатлеть каждую деталь, каждый блик света на ее коже. В его груди бушевала буря — инстинкт, влечение, страх неизведанного, непреодолимое любопытство. Дикость столкнулась с Искусством. Природа — с Культурой. Мужчина — с Женщиной.

Он протянул руку. Не к груди, не к бедрам. Он коснулся ее щеки. Кончиками пальцев, с невероятной, трогательной неловкостью, он провел по ее скуле, по линии подведенного сурьмой глаза. Как слепой, познающий мир. Его прикосновение было грубым, но бесконечно осторожным. Он почувствовал гладкость кожи, теплоту, влагу — слезу? Нет. Капельку пота, пробившуюся сквозь белила. Он убрал палец, посмотрел на него, как будто ожидая увидеть что-то новое.

Потом его взгляд снова упал на нее. И в его глазах уже не было только изумления или вожделения. Было вопрос. Немой, но красноречивый вопрос существа, стоящего на пороге новой вселенной. Вселенной, в центре которой стояла она.

Шамхат ответила без слов. Она сделала шаг вперед, сократив и без того крошечную дистанцию между ними. Она взяла его огромную, мозолистую ладонь в свои изящные руки и мягко, но уверенно прижала ее к своей груди. К теплой, живой плоти над бьющимся сердцем. Он вздрогнул, как от удара, но не отдернул руку. Его пальцы сжались, ощупывая, познавая.

Он издал звук. Глубокий, грудной, не то рычание, не то стон. Звук пробуждения не тела — души. Звук первой встречи Человека с Человеком через призму плоти и тайны. Дикий Человек встретил свою Судьбу у водопоя. И Судьба была обнажена, прекрасна и неумолима.

Началось превращение.

Глава 7. Семь дней превращения

Время утратило привычные вехи солнца и звезд. Оно сжалось до размеров чаши водопоя, до круга вытоптанной травы под сенью старого тамариска, до ритма двух тел, слившихся в первобытном и одновременно невероятно сложном танце. Семь дней и семь ночей не были чередой одинаковых циклов. Каждый день был ступенью, каждую ночь — погружением в новую бездну. Шамхат, жрица плоти и перехода, вела Энкиду через лабиринт пробуждения.

День Первый: Плоть и Огонь.

Он был неловок, как новорожденный олененок на скользком берегу. Его прикосновения — исследующие, грубоватые, полные сдерживаемой силы, которая пугала его самого. Шамхат терпеливо направляла его огромные руки, учила ласке, чувствительности к отклику ее тела. Она учила его не брать, а чувствовать. Не доминировать, а сотрудничать. Его дикие порывы, инстинкты, выкованные в схватках с хищниками за выживание, здесь были бесполезны. Нужна была иная сила — сила сдерживания, внимания, отдачи. Он стонал от невыразимого наслаждения, когда ее гибкость, ее знание ритмов укрощали его буйную мощь, превращая ее в поток совместной страсти. К концу дня его движения стали чуть увереннее, взгляд — менее растерянным, более жаждущим. Он узнал язык кожи, пота, стонов. Язык, на котором

не нужны слова.

День Второй: Открытие Вкуса.

Он проснулся от запаха. Незнакомого, манящего. Шамхат сидела рядом, разложив на чистом куске ткани принесенные из Урука дары: круглые, плоские лепешки из ячменной муки и глиняный кувшин с мутной жидкостью. Она отломил кусок хлеба, поднесла к его носу. Запах был теплый, зернистый, пресный. Он поморщился, привыкший к сочной траве, кореньям, иногда сырому мясу. Она вложила крошечный кусочек ему в рот. Он жевал медленно, с недоумением. Сухо. Безвкусно. Странно. Она улыбнулась, взяла кувшин, налила в небольшую чашу темно-золотистой жидкости. Пиво. Поднесла к его губам. Он глотнул осторожно. Горький, пенный, шипучий вкус ударил по рецепторам. Он закашлялся, глаза слезились. Шамхат засмеялась — звонко, как ручей. Он снова глотнул. И еще. И вдруг странное тепло разлилось по животу, голова закружилась приятно. Он глотнул еще раз — уже жадно. И засмеялся сам — громко, раскатисто, неловко, как человек, впервые узнавший радость. Он схватил лепешку, отломил большой кусок, заел им пиво. Сочетание стало понятнее. Удовольствие от новой пищи, от хмеля, от ее смеха — все слилось. Он узнал вкус цивилизации — сложный, непривычный, но опьяняющий.

День Третий: Вода Очищения.

Шамхат привела его к самому водопою. Но не пить. Она сняла с себя остатки одежды и вошла в воду, приглашая его

жестом. Он последовал за ней, недоверчиво ступая по илистому дну. Вода была прохладной, освежающей. Она взяла кусок грубой ткани и корень акации, который принесла. Начала омывать его. Сначала осторожно, смывая слои засохшей грязи, пыли, пота с его мощной спины, груди. Он стоял неподвижно, как изваяние, ощущая странную смесь стыда и блаженства. Ее прикосновения были целебными. Она мыла его руки, его ноги, его шею. Потом, преодолевая его смущенное сопротивление, осторожно вымыла лицо, шею, за ушами. Она расчесала пальцами его спутанные волосы, пытаясь распутать колтуны. Вода вокруг них темнела от смывтой грязи. Когда основное было смыто, она подала ему ткань и корень. «Сам», — сказала она мягко, но твердо. Он неуклюже повторил ее движения, растирая мыльный корень о кожу. Ощущение чистоты, свежести было для него откровением. Он вышел из воды другим — не таким мохнатым, более... человечным. Его кожа, скрытая под шерстью и грязью, оказалась смуглой, сильной. Он потрогал свое лицо — гладкое там, где раньше была шерсть. Посмотрел на отражение в воде — и не узнал себя.

День Четвертый: Ткань и Границы.

Шамхат принесла одежду: просторную рубаху из небеленого льна и набедренную повязку из более грубой шерсти. Она показала ему, как надеть. Он позволил ей, чувствуя глупую неловкость. Ткань была грубой на ощупь, непривычно облегающей тело, скрывающей его от мира и солнца. Он топ-

тался на месте, как бык в хлеву. Шамхат поправила складки на его широких плечах, ее пальцы легонько коснулись его ключицы. Он поймал ее руку, прижал к своей груди — уже не с диким вопрошанием, а с благодарностью, с желанием близости, понятным им обоим. Она улыбнулась, но отвела руку. «Позже», — сказала она взглядом. Она учила его не только носить одежду, но и сдерживанию мгновенных порывов. Цивилизация требовала отсрочки желаний, уважения к ритуалу, к границам. Он выдержал паузу. Потом снова взял ее руку, но уже нежно, приглашая к продолжению танца. Он учился терпению. Учился предвкушению.

День Пятый: Звуки и Смыслы.

Она начала говорить. Непрерывно. О Уруке. О высоких стенах из обожженного кирпича. О шумных рынках, где торгуют тканями, бронзой, зерном, специями. О великом Зиккурате, ступенями уходящем к небу, где живут боги. О храме Инанны, где служит она. О дворце с колоннами из кедра. О Царе. О Гильгамеше. Она повторяла имена, названия, простые слова: вода, хлеб, солнце, я, ты. Она показывала на предметы, произносила их названия. Он слушал, его янтарные глаза были сосредоточены, как у ученика. Он пытался повторять. Звуки выходили гортанными, нечленораздельными, искаженными — «Ух-рук», «Гил-га-меш», «Ина-нна». Он хмурился от усилия. Иногда он просто смотрел на ее губы, замороженный их движением, музыкой человеческой речи, смысл которой ускользал, но мелодия завораживала. Он

впервые осознал незнание и желание понять. Он узнал силу слова, даже непонятного. Узнал, что мир больше степи и водопоя. Он начал ассоциировать звук «Гильгамеш» с ощущением силы, власти и... вызова. Шамхат произносила это имя с особым оттенком — не страха, но уважения и скрытого напряжения.

День Шестой: Разрыв.

Утро шестого дня началось как обычно. Они пили воду, делили хлеб. Шамхат поправляла складки на его льняной рубаше. И вдруг, из-за гребня холма, осторожно показались знакомые силуэты. Газели с большими глазами. Они подошли к водопою, как делали это сотни раз, доверчиво щипля траву. Энкиду встал, лицо его озарилось радостью узнавания. Он сделал шаг к ним, протянул руку, как раньше, издавая низкий, приветственный горловой звук — их общий язык.

Газели вздрогнули как один. Их головы резко поднялись. Ноздри затрепетали, втягивая воздух. И в их огромных глазах отразился не страх, а... непонимание. Отторжение. Запах. Его запах изменился. Пахло человеком. Тканью. Мылом. Женщиной. Пивом. Чуждым. Опасным. Они фыркнули, отпрянули, повернулись и умчались прочь, не оглядываясь, белым пятнышком мелькнув за холмом. Только пыль клубилась за ними.

Энкиду застыл с протянутой рукой. Радость на его лице сменилась шоком, затем глубокой, животной болью. Он

смотрел в пустоту, куда исчезли газели. Его рука медленно опустилась. Он обернулся к Шамхат. В его глазах стоял немой вопрос, полный щемящей тоски и упрека. Что ты сделала со мной? Он больше не был своим. Он был изгоем в своем же мире. Одиночество, знакомое Гильгамешу, впервые когтями впилося в его дикое сердце. Он издал протяжный, горловой стон — не рев зверя, а вопль потерянной души. Он упал на колени у водополя, уткнув лицо в еще влажную от их копыт землю. Его плечи содрогались. Шамхат подошла, обняла его огромную, согбенную спину. Она не говорила ничего. Просто держала. Он был подобен выброшенному на берег киту — мощный, но беспомощный перед новым миром. Разрыв был совершен. Обратной дороги не было.

День Седьмой: Выбор и Дорога.

Он просидел у водополя почти весь день, молчаливый и сумрачный, глядя в мутную воду, где отражалось его новое, непривычное лицо — более гладкое, но печальное. Шамхат не торопила его. Она знала глубину потери. К вечеру он поднялся. Его движения были тяжелыми, но решительными. Он подошел к Шамхат, посмотрел ей в глаза. Его взгляд был другим. Детская изумленность ушла. Осталась взрослая решимость и глубокая печаль. Он ткнул пальцем в сторону, противоположную той, куда убежали газели. В сторону далеких, едва видных на горизонте дымков, которые она называла Уруком. Потом ткнул пальцем в свою грудь. Я. Туда.

Он не произнес слов. Но жест был красноречивее любых

клятв. Он выбирал. Выбирал мир, который отнял у него прошлое, но дал... ее. Дало новые ощущения, вкусы, знания. Дало боль, но и надежду. Он выбирал путь к Гильгамешу. Не только потому, что она вела его. Но потому, что в его новорожденном сознании родилось понимание: там, за стенами, был тот, кто такой же. Такой же сильный. Такой же одинокий. Возможно, единственный, кто поймет.

Шамхат кивнула. В ее глазах блеснула гордость и тень тревоги. Она взяла его руку — огромную, теперь чисто вымытую, но все еще мозолистую и сильную. «Идем», — сказала она вслух. И он понял. Он сделал первый шаг по дороге, ведущей прочь от водопоя, прочь от степи, прочь от Энкиду-зверя. Навстречу Энкиду-человеку. Навстречу Уруку. Навстречу Гильгамешу.

Семь дней кончились. Превращение было неполным, но необратимым. Глина обрела форму под руками жрицы и силой выбора. Дикость отступила, уступив место сложному, болезненному, но захватывающему дару и проклятию — человечности. Их тени, длинные в лучах заходящего солнца, легли на восток. Дорога в Урук началась.

Глава 8. Дорога в Урук

Дорога. Она была не тропой газелей, знакомой каждому камню, каждому кусту. Это была широкая, утоптанная тысячами ног и копыт полоса земли, разрезающая степь, как шрам. Для Энкиду каждый шаг по ней был шагом в неизвестность, в мир, пахнувший не полынью и свободой, а дымом очагов, человеческим потом и чуждой ему упорядоченностью.

Первые часы шли в молчании. Энкиду часто оборачивался назад, к уходящему за горизонт водопою, к холмам, где скрылась его прежняя жизнь. В его глазах стояла тихая печаль зверя, покинувшего логово. Шамхат шла рядом, ее рука иногда касалась его локтя — не для поддержки, а как якорь в новом море. Она не заговаривала, давая ему время проститься.

Первые Встречи: Мир Людей.

Первым признаком иного мира стало стадо. Не дикие газели, а жирные, медлительные овцы с кудрявой шерстью, блеющие на все лады. Их пас мальчонка лет десяти, тощий, как жердь, с длинным посохом. Увидев приближающихся незнакомцев — огромного, странно одетого мужчину и прекрасную, как богиня, женщину — он замер, глаза округлились от страха. Он поднял посох, как жалкое оружие.

Энкиду остановился. Его ноздри расширились, втягивая

смесь запахов: шерсть овец, их помет, пот мальчишки, пыль дороги. Он смотрел на овец — они были толще газелей, медлительнее, тупее. Они не убегали, а глупо тыкались мордами в землю. Он сделал шаг к ним.

Мальчик вскрикнул, отпрянул. Овцы забеспокоились.

— Стой, Энкиду, — тихо сказала Шамхат, касаясь его руки. — Они не твои. Они его. — Она кивнула на пастушка. — Он их стережет. Для людей.

Энкиду нахмурился. Он посмотрел на мальчика, потом на овец, потом снова на мальчика. Его рука непроизвольно сжалась. Он видел страх в глазах ребенка. Такой же страх был в глазах газелей перед охотниками. Но здесь не было силка. Был посох и... что-то невидимое. Принадлежность? Он не понимал. Он лишь кивнул, коротко, и прошел мимо, его огромная тень на мгновение накрыла пастушка. Мальчик выдохнул, когда они скрылись из виду.

Потом были поля. Бесконечные, геометрически правильные квадраты, где росло нечто высокое, зеленое, колосистое. Ячмень. Люди, согнувшись в три погибели, двигались вдоль рядов, их серпы блестели на солнце. Энкиду остановился, ошеломленный масштабом. Степь кормила. Здесь люди делали еду. Они меняли землю. Подчиняли ее. Запах влажной земли, сока растений и человеческого труда был густым и сложным. Женщина, поднимаясь, чтобы вытереть пот со лба, увидела их. Ее глаза, усталые и потухшие, скользнули по Шамхат с признанием ее статуса, а потом уставились на Эн-

киду с немым вопросом и страхом. Он был слишком большой, слишком... иной. Энкиду почувствовал себя чужим. Инопланетным существом. Он ускорил шаг.

Звуки Цивилизации.

Чем ближе к Уруку, тем чаще встречались люди. Не только пастухи и земледельцы. Купцы с осликами, нагруженными тюками; гонцы, бегущие легкой рысью; странствующие ремесленники с котомками за спиной. Гул человеческих голосов, блеяние, мычание, скрип повозок — все это сливалось в непрерывный, чуждый гомон. Энкиду напряженно вглядывался в лица. Одни опускали взгляд при его приближении, другие смотрели с откровенным любопытством или опаской. Дети тыкали в него пальцами и визжали. Он сжимал кулаки, чувствуя, как его спина непроизвольно сутулится, словно он хочет стать меньше, незаметнее. Шамхат шла рядом с гордо поднятой головой, ее присутствие было щитом.

Она начинала говорить. Объяснять. Указывая на повозку: «Колесница. Везут товар.» На гонца: «Бегун. Несет весть.» На группу людей в одинаковых грубых одеждах, бредущих под охраной человека с плетью: «Рабы. Работают на других.»

— Ра-бы? — переспросил Энкиду, коверкая слово. Он понял значение «работа» Шамхат показывала на людей в поле, но связка «работать на других» была ему чужда. В степи каждый был сам за себя. Или защищал слабых.

— Да, — кивнула Шамхат. — Они не свободны. Как овцы

у пастуха. Их заставляют. — В ее голосе не было осуждения, лишь констатация. Но Энкиду нахмурился. Он видел понурые спины, опущенные головы, следы плетей на некоторых спинах. Это напомнило ему газелей в силках. Несправедливость. Его дикое сердце сжалось от знакомой ярости, но теперь она была направлена не на охотника, а на невидимое «других».

Семена Гнева.

Вечером они остановились у небольшого постоянного двора на окраине деревни — глинобитной мазанки с плоской крышей, где можно было купить похлебку и место на ночлег во дворе под навесом. Пока Шамхат торговалась с хозяином, коренастым мужчиной с хитрыми глазами, Энкиду сел на корточки у стены, стараясь быть незаметным. К нему осторожно подошел старик, подносящий воду в кувшине. Его спина была сгорблена, руки — узловаты от труда.

— Ты... с ней? С жрицей? — прошептал старик, кивая на Шамхат.

Энкиду кивнул, не зная, что сказать.

— Из Урука? — старик поставил кувшин с водой рядом с Энкиду.

— В Урук, — попытался ответить Энкиду, гортанно выговаривая название.

Старик вздохнул, глубоко и устало. Его глаза, мутные, как воды Евфрата в половодье, наполнились неподдельной болью. «Осторожней там, сынок. Город... он красивый. Сте-

ны... высокие.» Он покачал головой. «Но Царь... Гильгамеш...» Он произнес имя с таким страхом и ненавистью, что Энкиду насторожился. «Он... как буря. Крушит все. Моих внуков... обоих забрал строить свою стену. Старший... умер в прошлую жару. Свалился с лесов. Младший... вернулся вчера. Нога сломана. Говорит, работать не может. Надсмотрщик плетью... по голове...» Старик провел дрожащей рукой по своему виску. «Теперь он... как дитя. Никого не узнает. Лежит.»

Слезы, мутные и редкие, выступили на глазах старика. Он не вытирал их. «А дочь... мою Аллат... пришли месяц назад. Забрали во дворец. „Право Царя“. Вернулась... молчит. Плачет по ночам. Словно свет в ней погас.» Он посмотрел на Энкиду своими старыми, прозрачными глазами. «Ты... сильный. Видно. Но берегись его. Гильгамеша. Он сын богов? Пусть. Но сердце у него... каменное.»

Старик взял пустой кувшин и поплелся прочь, сгорбленный под грузом своего горя. Энкиду сидел, словно окаменев. Слова старика падали в его душу, как раскаленные угли. «Забрал на стену... умер... сломана нога... плетью по голове... забрали дочь... свет погас...» Он вспомнил рассказы Шамхат у водопоя. Но тогда это были абстрактные слова. Теперь они обрели лицо. Лицо старика. Лицо его сломленного внука. Лицо дочери, у которой «погас свет». Перед его внутренним взором встал образ Царя. Не абстрактного тирана, а конкретного чудовища, ломающего жизни, как Эн-

киду ломал охотничьи силки. Только здесь силки ставились на людей.

Шамхат подошла, ее лицо было озабоченным. «Что случилось?» — спросила она, видя его напряженную позу и горящие глаза.

Энкиду поднялся. Он был выше ее на голову с лишним. Его тень накрыла ее. Он ткнул пальцем в сторону, где скрылся старик. «Он... плакал. Гильгамеш... внук... умер. Другой... нога. Голова. Дочь... во дворец. Свет... погас.» Его речь была обрывистой, гортанной, но ярость в ней была ясна, как блеск обнаженного меча. Он вцепился пальцами в ткань своей льняной рубахи на груди, там, где болело от несправедливости. «Гильгамеш... злой?»

Шамхат вздохнула. Она не могла солгать. «Да, Энкиду. Он сильный. Но... жестокий. Он причиняет боль. Многим.» Она положила руку на его сжатый кулак, пытаясь успокоить дрожь ярости, проходившую через его тело. «Но помни, зачем мы идем. Ты должен... остановить его. Но не силой одного кулака. Ты должен понять. Показать ему... другую силу.»

— Остановить, — проскрежетал Энкиду, выговаривая слово с трудом. Он посмотрел не на Шамхат, а в сторону Урука, куда вела дорога. На горизонте уже виднелось марево дыма и пыли над городом, а над ним, угадывалось в закатных лучах, что-то огромное, темное, циклопическое — верхушки стен. Его глаза, еще недавно полные печали и растерян-

ности, теперь горели холодным, неукротимым огнем. Огонь праведного гнева. Огонь защитника. Но теперь он защищал не газелей. Он защищал людей. Стариков. Детей. Девушек, у которых гасили свет в глазах. Его выбор был подтвержден и усилен болью других. Дорога в Урук стала дорогой к битве.

— Идем, — сказал он твердо, взяв Шамхат за руку. И теперь он вел ее. Его шаг стал уверенным, целенаправленным. Он больше не оглядывался назад. Его взгляд был устремлен вперед, к дымному горизонту, где ждал его враг. Гильгамеш. Тот, кто должен был стать его равным, но оказался воплощением той несправедливости, которую Энкиду ненавидел всей душой. В его груди, рядом с болью от потери степи, зажглось новое чувство — решимость воина, идущего на бой за правое дело. Дорога в Урук была дорогой к судьбе.

Глава 9. Врата Свадебного Дома

Дорога, что вела к Уруку, Городу Кирпича и Власти, казалась Энкиду теперь не тропой в неизвестность, а стрелой, выпущенной из тугого лука ярости. Каждый шаг по утоптанной тысячами ног земле, мимо оливковых рощ и засеянных ячменем полей, мимо глинобитных хижин пастухов, где воздух был густ от запаха овечьей шерсти и дыма очагов, лишь затачивал лезвие его гнева. Шамхат, шедшая рядом, была его тихим проводником в этом чужом мире, ее голос — единственной нитью, связывающей его с чем-то знакомым после дикой воли степи. Она рассказывала о боге неба Ану, чей зиккурат подпирал лазурный купол, о богине любви и ярости Инанны, чей храм благоухал миррой и тайнами, о мудром Энки, боге пресных вод и хитроумия. Но слова эти ложились на каменистую почву его души, взрыхленную лишь ненавистью к тому, кого он еще не видел — к Царю.

— Он забирает сыновей, Энкиду, — шептала Шамхат, когда они миновали группу юношей с усталыми, потными лицами, гнавших упрямых ослов, навьюченных связками тростника. — Гонит их к стене, что растет как гора. Солнце палит спины, кнуты свистят. Ради славы одной. Ради того, чтобы стена была выше, толще, неприступнее. — Энкиду смотрел на согнутые спины, на ноги, покрытые пылью и ссадинами. Его собственные могучие пальцы сжимались в кула-

ки, ногти впивались в ладони. Он чувствовал запах их пота — кислый, горький, как незрелые финики. Запах угнетения.

Они вошли в предместья. Здесь воздух изменился. Запах навоза и земли смешался с дымом кузниц, едкой гарью обжигательных печей, сладковатой вонью гниющего мусора и... чем-то невероятно густым, живым, тревожным. Запах множества людей. Запах Урука. Энкиду замер, ноздри его раздулись, как у испуганного коня. Его слух, отточенный в тишине степи, где каждый шорох значил жизнь или смерть, атаковала какофония звуков: лязг меди, крики торговцев, рев ослов, плач младенца из-за глиняной стены, ритмичный стук ткацких станков, далекие молитвенные песнопения. Звуки обрушились на него волной, физически давя на виски. Он зажмурился, почувствовав внезапную тошноту. Мир плыл.

— Это город, Энкиду, — голос Шамхат пробился сквозь шум, твердый и успокаивающий. Ее рука легла на его напряженную, как канат, мышцу предплечья. — Здесь жизнь кипит, как вода в котле над сильным огнем. И грязь, и золото, и радость, и горе — все смешалось. Дыши. Привыкнешь.

Он открыл глаза. Узкие улочки, зажатые между высокими стенами домов из необожженного кирпича-сырца, вились, как змеи. Люди. Их было так много! Они сновали, толкались, кричали, смеялись, спорили. Одеты в грубые шерстяные ткани или простые льняные рубахи, цвета выгоревшие на солнце — охра, грязь, блеклая лазурь. Женщины с кувшинами на головах или бедрах, дети, голозадые и крикливые, бега-

ющие под ногами, старики, сидящие в тени на корточках, с глазами, уставленными в никуда. Они оглядывались на него, на этого косматого великана с плечами, как у быка-кунга, с взглядом дикого зверя, идущего рядом с прекрасной жрицей. Взгляды были разными: любопытство, страх, откровенный ужас, восхищение силой, презрение к его простоте и неотесанности. Шепот бежал впереди них, как рябь по воде: «Дикарь!», «Посланник богов?», «Смотри, какая мощь!», «С ним Шамхат... Что это значит?». Энкиду чувствовал эти взгляды на своей коже, как тысячи булавочных уколов. В степи взгляд означал угрозу или интерес добычи. Здесь... здесь это было иначе. Оценивающе. Присваивающе. Отчуждающе. Его грудь вздымалась чаще. Где же ты, Царь? Где тот, кто превратил этих людей в муравьев, снующих в своей глиняной куче?

Они вышли на более широкую улицу, ведущую, как пояснила Шамхат, к центру города, к священному кварталу и царскому дворцу. Здесь толпа была гуще, шум — оглушительнее. Запахи смешались в невыносимый коктейль: жареное мясо с жаровен, специи, благовония из лавки торговца, человеческий пот, экскременты животных, пыль, поднятая сотнями ног. Энкиду видел лавки кузнецов, где рождались блестящие наконечники копий и серпы; гончаров, чьи руки ловко лепили глину на кругах; ткачей, чьи станки мерно постукивали; менял, зорко считающих медные кольца. Он видел богато одетых торговцев с караванами ослов, навьючен-

ных тюками; жрецов в белых одеждах с благочестиво опущенными глазами; стражников в кожаных доспехах, с тяжелыми копьями, расчищавших путь для кого-то важного. Цивилизация предстала перед ним не абстрактным понятием, а громким, вонючим, суетливым, поразительно сложным организмом. И где-то в сердце этого организма, как ядовитый паук в центре паутины, сидел Он. Гильгамеш.

Именно мысли о Царе, о его несправедливости, о юношах на стене, о плачущих девушках, согревали гнев в груди Энкиду, не давая ему захлебнуться в этом чуждом море. Ярость была его якорем, его компасом.

Внезапно толпа перед ними расступилась, как вспаханная борозда. Люди прижались к стенам, затихли, опустили головы. Даже шум рынка стих, сменившись напряженным, почти звенящим молчанием. Энкиду почувствовал, как Шамхат непроизвольно сжала его руку, ее пальцы стали холодными.

— Он... — только и прошептала она, и в этом шепоте был и страх, и предвкушение.

И Энкиду увидел.

В конце улицы, ведущей к массивным воротам, украшенным сложной резьбой появилось шествие. Впереди шли стражники в сияющих на солнце бронзовых шлемах и нагрудниках, с копьями наперевес, отбрасывающие на пыльную землю длинные, угрожающие тени. За ними — слуги с опахалами из павлиньих перьев, разгонявшие не столько

зной, сколько знаки превосходства. И в центре этого сияющего, шумящего шелками и бронзой острова — Он.

Гильгамеш.

Он шел неспешно, с непоколебимой уверенностью льва, знающего себя владыкой зверей. Пурпурный плащ, оттенка запекшейся крови и власти, ниспадал с его плеч тяжелыми, царственными складками. Под плащом — туника из тончайшего белого льна, расшитая золотыми нитями, изображавшими схватки героев и мифических зверей. На мощной шее — массивная золотая цепь с лазуритовой подвеской в виде солнечного диска Уту. Волосы, черные и густые, как крылья ворона, были убраны под золотую ленту. Лицо... Лицо было поразительным. Совершенные, резкие черты, словно высеченные из темного мрамора рукой великого ваятеля. Высокий лоб, прямой нос, решительный подбородок. Но глаза... Глаза были холодными. Как вода глубокого колодца в безлунную ночь. В них горел не огонь жизни, а отраженный, как в полированном обсидиане, свет далекой звезды. Красота неземная, но лишенная тепла. Сила, но направленная вовнутрь, на поддержание собственного величия. Вся его осанка, каждый жест кричали о непререкаемой власти, о божественном праве, о пропасти, отделяющей его от этих глиняных людей, прижавшихся к стенам.

Энкиду замер. Весь его гнев, кипевший все эти дни, все эти дни, сжался в его груди в тугой, раскаленный шар. Он не видел больше ни стражников, ни толпу, ни даже Шамхат. Его

мир сузился до одной точки — до этого сияющего, холодного полубога в пурпуре. В нем воплотилось все, что Энкиду успел возненавидеть в цивилизации: ее жестокость, ее высокомерие, ее разделение на рабов и господ, ее стремление покорить и осквернить дикую свободу. Рассказы о юношах на стене, о девушках, плачущих в темницах дворца, ожили с мучительной яркостью. Этот человек... нет, это явление... отняло у людей их сыновей, их дочерей, их достоинство. И вот он шел — к Вратам Свадебного Дома. Чтобы отнять еще и радость первой ночи у какого-то несчастного жениха. Чтобы утвердить свое право на все.

Кровь ударила в виски Энкиду с такой силой, что мир на мгновение покраснел. Дыхание его стало хриплым, глубоким, как у разъяренного быка перед атакой. Мускулы налились стальной силой, готовые к взрыву. Он почувствовал, как Шамхат пытается удержать его, ее шепот: «Энкиду, не сейчас! Подумай!» — пролетел мимо, как жужжание комара.

Инстинкт дикого зверя, не знающего страха перед силой, заглушил все остальное. Не раздумывая, не крича, не бросая вызова, Энкиду сделал три широких шага вперед. Он вышел из тени домов на залитую солнцем площадь перед Вратами Свадебного Дома. Его огромная фигура в простой одежде из небеленого льна стала внезапной, грозной преградой на пути царственного шествия.

Стражники впереди ахнули, копыта их дрогнули, нацелившись на неожиданного врага. Шествие остановилось как вко-

панное. Опахала замерли. Тишина, наступившая после шума, была теперь гулкой, звенящей, как натянутая тетива перед выстрелом. Толпа замерла, затаив дыхание, сотни глаз расширились от ужаса и изумления. Кто посмел?!

Гильгамеш остановился. Он даже не вздрогнул. Его холодные глаза медленно поднялись от пыльных сапог Энкиду (грубых, из невыделанной кожи) вверх, по его мощным ногам, широкой груди, покрытой легкой шерстью, к плечам, способным, казалось, сокрушить быка, к лицу... К лицу, где бушевала дикая, необузданная ярость. Взгляд Царя встретился со взглядом Дикаря.

Время остановилось.

Энкиду видел в этих холодных глазах не страх, а... любопытство. Как у хищника, увидевшего незнакомую, но потенциально опасную добычу. Видел изумление, быстро сменившееся холодной оценкой силы, скрытой под грубой одеждой. Видел проблеск чего-то... знакомого? Огня, неутоленной жажды, сходной с его собственной? Но это было мгновенно. Взгляд Гильгамеша стал острым, как лезвие бритвы, оценивающим угрозой. В уголках его губ дрогнуло что-то — не улыбка, а скорее тень презрительного интереса. Он не сказал ни слова. Не двинулся. Просто смотрел. Его молчание было мощнее любого крика. Оно говорило: «Кто ты, червь, посмевавшийся встать на моем пути?»

Этот взгляд, этот немой вызов, эта вопиющая уверенность в своем превосходстве стали последней искрой. Шар гнева в

груди Энкиду взорвался.

Звериный, нечеловеческий рев вырвался из его глотки. Рев, от которого задрожали стены домов, слетели птицы с крыш, а люди в толпе вскрикнули и попятились. В этом реве была вся ярость степного ветра, загнанного в каменный мешок города, вся боль от потери дикой свободы, вся ненависть к несправедливости, олицетворенной в этом сияющем полубоге.

И Энкиду бросился вперед. Не на стражников. Прямо на Гильгамеша. Как дикий бык на охотника, осмелившегося бросить ему вызов. Мгновение — и огромная, косая тень дикаря накрыла Царя Урука.

Столкновение было неизбежным. Два исполина. Две силы природы, воплощенные в человеческой плоти. Два мира — дикой степи и кичливой цивилизации — сошлись у Врат Свадебного Дома. И первый удар Энкиду, сокрушительный, как удар дубины, обрушился на царственный пурпур.

Глава 10. Битва и клятва

Удар Энкиду был подобен обвалу горы. Его огромный кулак, костяшками вперед, обрушился не на уязвимое лицо, а на выставленный вперед локоть Гильгамеша — царь инстинктивно сгруппировался, принял удар на бронированную предплечную повязку из прокованной бронзы. Глухой, металлический ГДЫЫЫММ! разнесся по площади, заставив зрителей вздрогнуть, как от грома. Гильгамеша отбросило на шаг назад, пыль взметнулась из-под его золоченых сандалий. Боль, острая и звонкая, пронзила его руку до кости, но на лице не дрогнул ни один мускул. Лишь в глубине холодных глаз вспыхнул азарт, дикий и первобытный, как у волка, почувавшего достойного соперника.

— А-а-аргх! — рычание Энкиду было ответом на эту немую насмешку. Он не дал опомниться. Бросился снова, неистовый, не знающий правил боя, только ярость и мощь. Его атака была хаотичным ураганом: удары кулаками, похожими на каменные молоты, попытки схватить, повалить, сломать хребет. Он бил в живот (пурпурная ткань лопнула, обнажив стальные мышцы пресса), в грудь (золотая цепь впилась в кожу Гильгамеша, оставив кровавую полосу), в плечо. Каждый удар сотрясал воздух, каждый удар был рассчитан на убийство.

Но Гильгамеш был не просто силен. Он был искусен. Вос-

питанный лучшими воинами Шумера, знавший тайны борьбы, переданные, как шептали, самим Лугальбандой, он двигался с пугающей ловкостью льва, уворачиваясь от самых сокрушительных ударов. Его блоки были точны, как удар кобры: предплечья, ноги, ладони — все превращалось в щит. Он не просто уходил — он контролировал. Использовал инерцию Энкиду против него самого. Когда дикарь промахивался, теряя равновесие, Гильгамеш отвечал короткими, хлесткими ударами: ребром ладони в шею, локтем в солнечное сплетение, коленом в бедро. Удары не были столь зрелищно мощными, как у Энкиду, но невероятно точными, бьющими по сухожилиям, нервам, точкам боли. Они не валили с ног, но изматывали, раздражали, как укусы слепней.

Площадь перед Вратами Свадебного Дома превратилась в арену. Стражники, сначала бросившиеся было вперед, замерли по взмаху руки Гильгамеша — это был его бой. Толпа, сначала парализованная страхом, теперь гудела, как растревоженный улей. Крики ужаса смешались с возбужденными воплями: «Добей его, Царь!», «Сломай выскочку!», «Сила! Смотри, какая сила у дикаря!». Шамхат, прижатая к стене дрожащими людьми, смотрела широко раскрытыми глазами, молясь про себя всем богам, которых знала. Ее сердце разрывалось между страхом за Энкиду и странной надеждой, что этот бой изменит все.

Пыль столбом висела в воздухе, смешиваясь с каплями пота и крови, летящими от бойцов. Кирпичи под их ногами

трескались и крошились. Энкиду, весь в ссадинах, с разбитой губой, из которой струйкой текла алая кровь, ревел от бессильной ярости. Его удары становились все тяжелее, но и все предсказуемее. Гильгамеш, дыхание его лишь слегка участилось, лицо оставалось каменной маской, лишь в уголках губ залегли жесткие складки концентрации. Пурпурный плащ был изорван, белоснежная туника запачкана пылью и кровью — его и чужой. На его запястье зияла глубокая царапина от когтя Энкиду, но это лишь подстегивало его.

Он силен... Сильнее любого смертного, кого я встречал, — пронеслось в голове Гильгамеша, когда он ловко уклонился от попытки схватить его за горло. Сильнее льва пустыни. Но он дерется как зверь. Без мысли. Только ярость. Этим он и слаб.

Энкиду, видя, что его яростные атаки не сокрушают врага, что этот сияющий полубог уворачивается, будто насмехаясь, впал в иступление. Он забыл осторожность, забыл защиту. Весь его вес, вся неистовая мощь обрушились в очередном прямом ударе, цель которого — снести эту прекрасную, ненавистную голову с плеч. Он рванулся вперед, как таран.

И это была его ошибка.

Гильгамеш не стал уворачиваться. Вместо этого он сделал молниеносный шаг навстречу, входя под замах. Его левая рука, как клешня скорпиона, вцепилась в запястье бьющей руки Энкиду, не останавливая удар, но резко меняя его

траекторию вниз. Одновременно правая нога Гильгамеша с разворота вплелась между ног Энкиду, а его свободная правая рука рванула дикаря за плечо на себя и вниз. Это был сложный, выверенный до миллиметра прием, сокрушительная мощь которого заключалась не в грубой силе, а в рычаге, в использовании веса и импульса самого противника.

Энкиду, не ожидавший такого, не понимающий сути хитрости, почувствовал, как земля уходит из-под его ног. Его огромное тело, неудержимо рванувшееся вперед, теперь летело вниз, повинувшись неумолимой физике и искусству Гильгамеша. Он грохнулся на спину с такой силой, что площадь содрогнулась. Пыль взметнулась фонтаном, окутав его. Воздух с хрипом вырвался из его легких. На миг сознание померкло.

Гильгамеш не выпустил запястья. Он последовал за падением, как тень, и в одно мгновение оказался сверху, коленом придавив грудь Энкиду, его свободная рука заломила руку дикаря за спину. Вторую руку он освободил — и она сжалась в кулак, занесенный для смертоносного удара. Бронзовые ножные кольца Гильгамеша впились в бока Энкиду, как кандалы. Вес царя, умноженный мастерством, пригвоздил дикаря к земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.